

- пад». – М., 1988. – 325 с.
16. Митрополит Антоний Сурожский // Человек. – 1995. – №5. – 150 с.
17. Несмелов В.И. Наука о человеке. – Казань, 1994. – 540 с.
18. О вере и нравственности по учению Православной Церкви. – М., 1991. – 270 с.
19. Основы социальной концепции Русской Православной Церкви. – Информационный бюллетень
- ОВЦС Московского Патриархата, 2000. – №8. – 80 с.
20. Православие и проблемы биоэтики. – Выпуск 1 (1998-1999). – М., 2001. – 150 с.
21. Соловьёв В. Смысл любви // Соч. Т.2. – М., 1988. – 822 с.
22. Харакас С. Православие и биоэтика // Человек. – 1994. – №2. – 150 с.
23. Я бы Моцартом родился // Человек. – 1995, №1.

УДК 130.2

Швачкина Л.А.

*Южно-Российский государственный университет
экономики и сервиса (ГОУ ВПО «ЮРГУЭС»)*

ОБ УНИВЕРСАЛЬНОМ В КУЛЬТУРЕ: ГУМАННОСТЬ*

L. Shvachkina

South-Russian State University of Economics and Service

ON UNIVERSAL IN CULTURE: HUMANITY

Аннотация. В статье рассматривается гуманность как культурная универсалия. Автор, опираясь на мнения других исследователей, дает представление о культурных универсалиях, а затем относит гуманность к этому кругу культурных явлений. Универсальное в культуре всегда исторично, определяемо во времени, а следовательно – подвижно и многомерно. Это есть механизм воспроизводства самой целостности социальной жизни. Следовательно, гуманность как культурная универсалия есть выражение и свидетельство определённого цивилизационно-исторического опыта.

Ключевые слова: гуманность, культурная универсалия, культура, типология, традиция, нравственность.

Abstract. The article considers humanity as a cultural universal. Supporting her view with the opinions of other researchers the author makes a definition of cultural universals and refers humanity to such phenomena. Universal in culture is always historical, identified in time and consequently mobile and manifold. This is a mechanism of reproduction of the integrity of social life. Hence humanity as a cultural universal is the expression and demonstration of a certain civilization and historical experience.

Key words: humanity, cultural universal, culture, typology, tradition, morality.

Проблема гуманности, несмотря на кажущуюся очевидность и актуальность, некую априорную ценность для любой социальной общности и культурной эпохи, вместе с тем требует тщательной проработки на уровне артикуляции историко-генетических оснований того измерения коллективного и индивидуального опыта, которое как раз и выводит нас на универсальное, или всеобщее, содержание культуры. Ибо то, что на обыденном или публицистическом уровне может казаться вполне ясной, «прописной» истиной, совсем не обязательно выступает таковой внутри реально действующих смыслов, ориентиров и программ.

Обыкновенно под *гуманностью* понимают любовь и уважение к человеку, заботу о нём, о его благополучии, признание его достоинства и ценности. Но проявление гуманности не ограничивается сферой отношения человека с иными формами реальности, но распростра-

* © Швачкина Л.А.

няется и на сферу взаимодействия личности со своим «я» (феномен *самосознания* как концентрированное выражение становления «человеческого» в человеке и самой культуре). В своей традиционной трактовке гуманность рассматривается как некое «врожденное» стремление человека к самосовершенствованию, росту собственной духовности и стремлению к *общему* благу. Но в таком измерении гуманность лишь абстрактно может быть названа культурной универсалией – предельным основанием той или иной культуры.

История человеческой цивилизации включает в себя множество отдельных культурных миров, разнящихся между собой по самым разным параметрам и позициям, но в то же время сохраняющих внутреннюю сопричастность, единство. В разные эпохи это общее могло либо погружаться в глубину исторического существования, «маскироваться» под образами локальных традиций и ценностей, либо, наоборот, прорываться сквозь толщу эмпирического богатства культуры и свидетельствовать о фундаментальных изменениях на уровне целостной тождественности и всеобщей меры человеческого существования. Понятие «культурная универсалия» как раз и фиксирует то измерение культуры, которое практически всегда ускользает от глаз простого обывателя. Его, что называется, нельзя «потрогать или увидеть». Оно дано только как развертывание самого коллективного опыта, точнее, как его эволюционирующие *формы* и принципы.

Каким же образом, исходя из выше обозначенных аспектов проблемы универсального в культуре, можно говорить о гуманности как подобной культурной универсалии? Понятие *гуманность*, с одной стороны, достаточно широкое, ассоциирующееся с самыми разными способами человеческого поведения и типами мироотношения, но, с другой, оно всегда исторически конкретно. Гуманность в Древнем Риме, например, и гуманность в наполеоновской Франции – это вещи совершенно различные. Хотя и в том, и в другом случае понятие *гуманность* в соотношении с теми или иными традициями

высвечивает некий базовый для общества масштаб эволюции.

Под *культурными универсалиями* имеются в виду основы миропонимания, неявно формирующиеся в процессе социализации и служащие для человека той или иной эпохи системой координат, исходя из которой он воспринимает явления действительности и сводит их воедино в своём сознании. В них можно выделить некоторое содержание, свойственное различным типам культуры и образующее глубинные структуры человеческого сознания.

Итак, что же выступает историко-смысловым основанием гуманности как культурной универсалии и что может быть концептуально и методологически взято на вооружение в качестве стратегии аналитики проблем милосердия, человеколюбия, сострадания и т.п. как неких априорных схем синтеза коллективного опыта и как практик социального взаимодействия? *Что* есть то всеобщее, которое во всех культурах, будь то Восток или Запад, Древность или Новое время, не просто было знаком некой абстрактной «схожести», «подобия», но само выступало ценностью и стратегией, неким свидетельством специфической *культурности* того или иного общества (или отдельного слоя), будучи закреплением определённого отношения к человеку в обществе. Ведь далеко не случайно в литературе, да и в повседневной практике слова «культура» и «гуманность» часто употребляются как взаимодополняемые, взаимопредполагаемые. Культура – это не просто «способ человеческого существования», это способ обретения человеком, живущим во множестве себе подобных, собственной достоверности, *выраженности* и *явленности* в потоке сменяющихся и обновляющихся практик совместного бытия. Своеобразная «обреченность» человека *быть с другими* делает поиск соответствующих моделей актуальным и востребованным. Проблема гуманности в своем философско-культурологическом аспекте непременно выходит также и на уровень *онтологии* культуры: вопрос о сущности культуры напрямую связан с воп-

росом о сущности самого человека. Строго говоря, это две грани *одного* вопроса.

В данном случае, прежде всего, следует четко осознать, что универсальное в культуре само всегда **исторично**, подвижно и многомерно. Универсальное в культуре *ограниченно*, у него есть свои *пределы*, вырабатываемые всякий раз имманентным образом и выступающие, что очень важно, не в качестве «китайской стены», переход за которую чреват утратой собственной культурной (этнической, конфессиональной, материально-хозяйственной и пр.) идентичности, а как реально возможные на данном этапе развития формы и способы, фигуры коллективной деятельности. В том числе налично функционирующие регулятивы. Универсальное всегда именно в *историческом* опыте и, следовательно, *определяемое* во времени, может быть представлено как мера предметного закрепления *всеобще* значимого в конкретных условиях. В этом случае оно предстает не как простое пожелание, но как реальный механизм воспроизводства самой целостности социального опыта. Это могут быть не только ценности, но вообще сама наличная «технология» обустройства культурного мира (ибо не можем же мы просто отсечь в культуре нечто «лишнее»...). Поэтому, говоря о гуманности и сопряжённых с ней социокультурных практиках, необходимо отметить следующее: во-первых, выработка *реально* (объективно и предметно) выраженной и закреплённой мировоззренческой платформы человеколюбия, соответствующих коммуникативных стратегий и т.д. является исторически наиболее универсальной мерой самого культурного опыта *как такового*, наиболее универсальным измерением социально-антропологической реальности; но, во-вторых, полагание этой универсальной всеобщей меры в качестве системы норм и форм деятельности (может быть, даже специфических общественных институтов) есть исторически определяемый момент.

Другими словами, гуманность как культурная универсалия есть выражение и свидетельство определенного цивилизационно-

исторического опыта. В каких-то культурных традициях наличный социальный опыт в меньшей степени может быть определен через такую меру, а в каких-то – в большей. Однако это вовсе *не* следует понимать так, что одни культуры менее гуманны, а другие – более! Речь в данном случае идёт о другом: **как** в той или иной традиции *предметно* реализуются соответствующие установки коллективного сознания и нормы всеобщей идентификации. **Гуманность**, как *универсальное*, высвечивает смысловое напряжение культурного опыта. «Всеобщность» последнего именно потому обретает закрепление в практике, что **человечность**, как смысл, рождает своеобразное напряжение между полюсами *природного* и *неприродного* (и тут мы опять оказываемся в сфере онтологии культуры). «Онтологически культура – не что иное, как внесение в мир смысла, – пишет Л. Баткин, – и уже одним этим – изменение мира и самоизменение субъекта культуры» [2, 142]. В этом смысловом пространстве гуманность объективируется в системе ценностей и социальных стабилизаторов.

Подлинно универсальное в культуре может в равной мере рассматриваться и как формально общезначимое, и как содержательно всеобщее. И это напрямую относится к идее гуманности. Как теоретическая идея, она всегда абстрактна, но как практика, как «технология» – она есть конкретное, есть закреплённое единство социокультурного опыта по основанию такой меры, как *отношение к Другому Человеку*. Надо также отметить, что такая мера сама есть высший возможный предел культурного опыта как сопряжения бесконечного множества индивидов в едином континууме (пространстве-времени, материальных условиях и т.д.), дающая возможность его гармонизации. Но обнаружение его в толще тысячелетних практик – дело вовсе не тривиальное и сопряжено ближайшим образом с аналитикой истории культуры, социальности, в отношении становления в ней представлений о ценности личности, достоинстве человека и необходимости бескорыстной благожелательности.

Проблема культурных универсалий – одна из важнейших проблем в интеллектуальном пространстве Новейшего времени. Особенно она стала значимой в контексте роста интереса к неевропейским цивилизационным очагам и малоизведанным ареалам человеческого существования (полевая антропология и пр.). Столкновение западного, по преимуществу *универсалистского*, мышления (не только в философии, но в историческом знании, науке вообще) с совершенно уникальными традициями и социальными общностями сделало чрезвычайно острой проблему определения сущности самой культуры как такой формы сосуществования, которая собою способна объять столь разные практики и смыслы. Кратко обозначим некоторые позиции, сформировавшиеся в этой связи.

Н. Смелзер понимает под *культурными универсалиями* общие черты, свойственные всем культурам. Упомянутый им американский антрополог Дж. Мёрдок выделял более шестидесяти культурных универсалий, в частности – спорт, танцы, похоронные ритуалы и другие. Между культурами, полагал он, могут существовать различия в отношении видов спорта, танцев, похоронных ритуалов и т. д., но главное заключается в том, что в той или иной форме они имеются в каждой из них [5, 45-46].

Некоторые антропологи полагают, что культурные универсалии имеют биологическую обусловленность. Критики данной концепции обращают внимание на то, что способы удовлетворения человеческих потребностей сами определяются особенностями культуры.

Генезис культурных универсалий К.Г. Исупов связывает с центральными оппозициями основного мифа (жизнь – смерть, верх – низ и др.), с первоначальным опытом структурирования мира, с установлением системы терминов родства, семантикой имени, с ритуальной практикой, а также с первыми запретами (на инцест, на сыроедение и т. п.) и первыми достижениями культуры. Основу культурных универсалий образуют универсалии архаического порядка: мифологемы хтонических

сил и связанные с ними элементы Космоса, ближний мир предметов, а также природная органика в её пространственно-временной и хроматической определённости. Над ними располагаются универсалии терминов родства, артефактов, реальных ситуаций, границ состояний или их следов, а завершается иерархия культурных универсалий списком видов деятельности [4, 280].

В.С. Стёпин считает, что можно выделить два больших блока культурных универсалий, которые тесно связаны между собой. К первому блоку относятся категории, которые фиксируют наиболее общие характеристики объектов, включённых в человеческую деятельность (пространство, время, движение, вещь, отношение, количество, качество, мера, содержание, причинность, случайность, необходимость и т. д.). Они носят универсальный характер, поскольку любые объекты могут стать предметами деятельности. Второй блок культурных универсалий образуют категории, посредством которых выражаются характеристики человека, выступающего в качестве субъекта деятельности, а также его отношения к другим людям и обществу в целом (добро, зло, вера, надежда, долг, совесть, справедливость и т. п.). Они служат для того, чтобы в наиболее общей форме фиксировать исторически накопленный опыт включения индивида в систему социальных отношений и коммуникаций [3, 525].

М.А. Можейко выделяет не два, а три вида культурных универсалий. Он говорит о культурных универсалиях «объектного, субъектного и субъект-объектного рядов» [3, 823]. Примерами культурных универсалий *объектного ряда* являются: мир, изменение, причина, целое и т. п., *субъектного ряда* – человек, счастье, государство, честь, справедливость и т. п., а *субъект-объектного ряда* – познание, истина, деятельность и т. п. По нашему мнению, к культурным универсалиям субъектного ряда относится и гуманность (милосердие), представляющая собой сострадательное бескорыстное отношение к тому, кто находится в нужде. В данном случае следует, очевидно, сделать специальную

своё отражение в разнообразных потребностях, которые человек пытается удовлетворить с помощью доступных ему средств. Если этих средств оказывается недостаточно для достижения поставленных целей, то человек сталкивается с личностными проблемами, которые свидетельствуют о неудовлетворении его потребностей. Человека, который не может сам решить свои проблемы, относят к той или иной категории нуждающихся (старики, вдовы, сироты и т. д.). Неудовлетворённость людей условиями своей жизни, обусловленная наличием социальных, психологических и иного рода проблем, является одним из факторов нестабильности общества. Поскольку общество заинтересовано в сохранении своей стабильности, оно должно было выработать механизм компенсации неудовлетворённых человеческих потребностей. Формирование такого механизма, представляющего собой помощь нуждающимся, шло одновременно с процессом становления человеческого общества. Таким механизмом стала *гуманность*, которая как *культурная универсалия* и *норма* формировалась в системе религиозного сознания. В рамках разных культур и духовных традиций гуманность принимает различные облики. В религиозных культурах она имеет форму милосердия, становление которой связано с постепенным историческим формированием ценности самого человека, личности. Исторической

предпосылкой современной светской идеи и практики гуманности является европейская духовная культура, берущая начало в античности. Именно в Древней Греции и затем в христианстве объект помощи и сострадания становится субъектом. Человек как субъект гуманности может как получать, так и давать помощь и сострадание в силу того, что он обладает личностным статусом, свободой и независимостью, определённой дистанцией в отношении общества, которая позволяет ему быть самостоятельным и видеть гуманность не только в помощи и сочувствии другим, но и в собственном самосовершенствовании. Итак, гуманность потому и выступает культурной универсалией, что она возможна всегда и везде, но определяется типом культуры и исторической ситуацией.

ЛИТЕРАТУРА:

1. Агапов Е.П. Сущность социальной помощи. – Ростов-на-Дону, 2001.
2. Баткин Л. Пристрастия. Избранные эссе и статьи о культуре. – М.: РГГУ, 2002.
3. Всемирная энциклопедия. Философия / Главн. научн. ред. и сост. А.А. Грицанов. – М. – Мн., 2001.
4. Культурология. XX век. Энциклопедия. В 2 т. / Гл. ред. и сост. С.Я. Левит. – СПб., 1998. – Т. 2.
5. Смелзер Н. Социология. – М., 1994.
6. Шюц А. Структура повседневного мышления // Социологические исследования. – 1998. – № 2.
7. Heller A. Das Alltagsleben // Materialien zur Sociologie des Alltags. – Köln, 1978.